

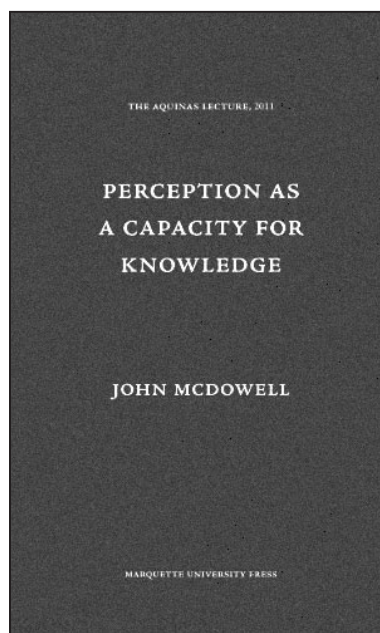

В ЧЕМ НЕ ОШИБАЮТСЯ РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЖИВОТНЫЕ?

(Рецензия на книгу: *McDowell J. Perception as a Capacity for Knowledge. Marquette University Press, 2011. 57 p.*)

Г.С. РОГОНЯН

В очередном издании Aquinas Lecture Series Джон Макдауэлл развивает основные положения своей версии дизъюнктивистской концепции восприятия¹. Главная идея дизъюнктивизма заключается в том, что не существует некоего общего для всех переживаний элемента или черты, которые делали бы субъективно неотличимыми друг от друга как достоверное восприятие, так и иллюзию такового. Иначе говоря, нет такого посредника между сознанием и миром, т.е. явления вообще, чья роль для нас всецело определялась бы внешними и непосредственно недоступными факторами, т.е. действительным наличием воспринимаемого объекта (в случае истинного восприятия) или его отсутствием (в случае иллюзии). Природа обоих переживаний разная, они не принадлежат од-

¹ См. также: *McDowell J. Criteria, Defeasibility, and Knowledge* // J. McDowell. *Meaning, Knowledge, and Reality*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. P. 369–394; *McDowell J. The Disjunctive Conception of Experience as Material for a Transcendental Argument* // J. McDowell. *The Engaged Intellect: Philosophical Essays*. Harvard University Press, 2009. P. 225–240.

ному классу: мы имеем *либо* просто явление того, что *p*, *либо* восприятие того, что *p*, и объяснять оба случая надо по-разному.

Однако Макдауэлл начинает свое эссе с относительно частной проблемы – с защиты У. Селларса от обвинений в чрезмерном интеллектуализме. Позицию Селларса относительно обоснования знания можно характеризовать как эпистемологический интернализм, который заключается в том, что у нас всегда имеется хотя бы потенциальный доступ к такому обоснованию. Иначе говоря, мы всегда можем, хотя бы в принципе, обосновать то, что говорим, в том числе и ссылаясь на собственное восприятие. Однако в случае восприятия подход Селларса может показаться неубедительным, поскольку инференциально обоснованное знание отличается от знания, основанного на восприятии. Т. Бердж противопоставляет интернализму Селларса свой вариант эпистемологического экстернализма². Прежде всего он указывает на такой вид обоснования знания, как «перцептивные свидетельства» (*perceptual entitlement*), т.е. состояния восприятия, которые не всегда и необязательно нам рефлексивно доступны. Иными словами, мы не всегда можем (за неимением необходимых понятий) четко сформулировать обоснование того пропозиционального содержания, которое считаем знанием. Однако такое перцептивное знание может быть не менее обоснованно, чем то знание, относительно которого имеются инференциальные ресурсы обоснования. Интернализм Селларса ошибочен, полагает Бердж, поскольку можно обладать перцептив-

ным знанием, даже если у субъекта нет доступа к его концептуальному обоснованию. Поэтому Бердж считает, что перцептивным знанием обладают и животные, и маленькие дети, которые еще не научились говорить. В противном случае мы будем иметь дело с человеческим шовинизмом, который настаивает на том, что только рациональные животные обладают способностью знать что-либо, поскольку могут артикулировать основания своего знания.

Причина, по которой Бердж критикует современную эпистемологию за приписывание перцептивного знания только рациональным животным, заключается в том, что подобный подход игнорирует открытия в экспериментальной психологии. Чтобы исправить данное положение, необходимо, считает Бердж (и Макдауэлл в этом с ним согласен), признать, что перцептивное знание рациональных животных является разновидностью более общего знания, свойственного также обычным животным и маленьким детям³. Однако Макдауэлл отмечает, что сам Бердж рассматривает рациональное знание только как результат нашей дискурсивной способности, т.е. рассуждения. Полагая, что помимо рационального дискурсивного знания у нас должно быть еще и перцептивное знание (которое и роднит нас с животными), он, однако, не рассматривает последнее как результат деятельности самого разума. Тем самым разум по-прежнему остается отделенным от нашей животной природы. Но тогда, заключает Макдауэлл, непонятно, как объяснить то единство разумного и животного, которое заключено в

² Burge T. Perceptual Entitlement // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2003. Vol. 67. № 3 P. 503–548.

³ Ibid. P. 54–55.

идее человека как рационального животного⁴.

Наконец, для Берджа перцептивное состояние может быть только *свидетельством* в пользу убеждения. Мы, конечно, можем указать на него и привести в качестве обоснования, однако в этом нет принципиальной необходимости. Осознанную артикуляцию перцептивного состояния можно считать рациональным оправданием (*justification*) (в отличие от свидетельства), однако оно доступно только иногда и только некоторым рациональным субъектам. Приписывать такую способность всем рациональным субъектам, причем во всех случаях перцептивного знания, значит переоценивать концептуальные способности человека и занимать исключительно интеллектуалистскую позицию. Очевидно, что не все наши убеждения являются результатом инференциальных переходов от одного суждения к другому, поэтому нельзя приравнивать все обоснования к таким (пусть только потенциальным) оправданиям. Итак, перцептивное состояние не гарантирует стопроцентной истины тому убеждению, для которого оно может служить обоснованием, — оно является не более чем свидетельством в его пользу, причем *независимо* от того, осознает субъект это состояние в качестве обоснования для своего убеждения или нет. Тем не менее при определенных обстоятельствах оно может служить *достаточно хорошим* обоснованием нашего знания.

Именно допущение, что перцептивные состояния — это лишь достаточно хорошие обоснования, Макдауэлл считает предпосылкой

для обвинений Селларса в чрезмерном интеллектуализме. Однако для Селларса способность воспринимать не отделена от разума человека, который бы лишь сравнивал между собой в акте рефлексии перцептивные состояния, решая вопрос о доверии им или просто безответно полагаясь на них. Способность воспринимать является частью рациональности субъекта или, если угодно, применением самого разума, т.е. одной из его способностей. Когда «все идет своим чередом», пишет Макдауэлл, то результатом применения способности воспринимать является наличие рационального субъекта определенных свойств окружающей среды. Восприятие их наличия и есть актуализация воспринимающей способности *разума* субъекта, а не только его органов чувств. Поэтому нахождение субъекта в одном из перцептивных состояний делает невозможным, чтобы вещи были не такими, какими он их себе представляет на основании определенных свойств воспринимаемой среды. Если способность применяется обычным, т.е. недефектным, образом, то перцептивное состояние является не просто достаточно хорошим, но и бесспорным основанием для убеждений субъекта. Такое применение *разумной* перцептивной способности обходится без какой-либо интеллектуализации или чрезмерного концептуального усложнения. Перцептивное состояние непосредственно обосновывает наше убеждение уже самим фактом своего наличия. Если мы видим нечто таким, а не иным, то *сам факт* нашего видения (т.е. само перцептивное состояние) является основа-

⁴ Макдауэлл здесь повторяет некоторые тезисы, высказанные им ранее в других работах. См., например: *McDowell J. Mind and World*. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1994. P. 108–126.

нием нашего убеждения в этом, а не просто убеждение в том, что мы видим нечто таким, а не иным. В противном случае нам пришлось бы предъявить основание для этого последнего убеждения и т.д., что привело бы к тому интеллектуализму, о котором говорит Бердж.

Разумеется, наши способности воспринимать могут обманывать – перцептивное состояние может не соответствовать реальному положению дел. Именно поэтому, заключает Бердж, чтобы устранить возможность ошибки, т.е. сделать перцептивное состояние обоснованным в смысле оправдания нашего убеждения, нам может понадобиться дополнительная интеллектуализация нашего опыта с помощью других убеждений. Однако ошибочность, полагает Макдауэлл, можно понимать по-разному. Одно дело – ошибочность убеждения, другое – ошибочное, или дефектное, применение способностей. Макдауэлл считает, что заблуждение относительно понятия ошибочности характеризует вообще всю современную эпистемологию восприятия. Бердж является лишь показательным примером этого разделяемого многими заблуждения. Ошибочность, полагает Макдауэлл, может быть свойством самих способностей – в том смысле, что их применение субъектом может осуществляться *не* должным образом. Это значит, что возможны неправильные, дефектные применения способностей, когда их применение не дает того результата, для которого они предназначены. Например, если я вижу, что вещь рядом со мной зеленого цвета, то знание об этом является результатом того, что применение моей способности воспринимать делает наличным для меня данное качество вещи, не оставляя

возможности того, что она какого-то другого цвета. Однако способность может вводить в заблуждение в том смысле, что я могу ошибаться относительно цвета, например при неподходящем освещении. Но это говорит лишь об *обычном* несовершенстве наших способностей, замечает Макдауэлл, подобно тому, как игра даже самого лучшего игрока в гольф не является совершенной и он иногда ошибается.

Тут же возникает следующий вопрос: как отличить обычное и правильное применение способностей от дефектного? Понятно, что невнимательность может заставить нас спутать дефектное и обычное применение способности, хотя сама способность при этом может быть в полном порядке. Однако речь в данном случае не о том, что иногда *мы* можем ошибаться, а о том, что сами наши перцептивные способности могут быть не в порядке и вводить в заблуждение. И тогда никакая внимательность и разборчивость не позволят нам это обнаружить. Иначе говоря, ошибочное применение способности означает, что субъект может не знать, что оно ошибочно, т.е. он «дальтоник» всегда и во всем. Ответ Макдауэлла на это заключается в следующем: рациональная способность восприятия дает нам знание не только об окружающих вещах, но и о том, *каким образом* мы о них узнали. В данном случае имеется в виду, что наше восприятие всегда так или иначе связано с самосознанием. Способность знать, что именно восприятие раскрывает нам то, каковы окружающие нас вещи, является неотъемлемой частью нашего знания о самих себе, т.е. одним из аспектов способности воспринимать вещи. В таком случае, даже если иногда мы и можем спутать дефектное и

не-дефектное применение способности, из этого еще не следует, что мы не можем по-прежнему считать, что эта способность позволяет нам познавать, каковы окружающие нас вещи на самом деле. Иначе говоря, нельзя заключать на основании одной (редкой) ошибки, что мы всегда можем ошибаться. Ошибки, как правило, тем и отличаются, что большую часть времени способность познавать с помощью восприятия не подводит. Способность знать о способе нашего познания (т.е. не просто нерелексивно воспринимать, но и знать, что мы именно воспринимаем и именно восприятие в данном случае является основанием нашего убеждения) – вот что обеспечивает асимметрию в знании о результатах применения способности восприятия.

Завершая свою аргументацию, Макдауэлл ссылается на С. Редля: из того факта, что я, заблуждаясь, могу об этом и не догадываться, еще *не следует*, что когда я *не заблуждаюсь*, я об этом не знаю⁵. Ошибочно полагать, как утверждает аргумент от иллюзии, что когда я ошибаюсь в чем-то, то я убежден в этом *на тех же* основаниях и по тем же причинам, что и в тех случаях, когда я справедливо убежден, что я сейчас не заблуждаюсь. В противном случае у меня действительно не было бы оснований доверять чему бы то ни было. Однако здесь нет симметрии, по-

этому начинать надо не с заблуждения. Если я полагаю, что знаю что-то на основании восприятия, то если бы я при этом все-таки заблуждался, я был бы убежден в этом на совершенно иных основаниях, а не на основании восприятия. Иначе говоря, если бы я заблуждался относительно чего-то воспринимаемого, то это означало бы, что я это нечто как раз и *не* воспринимаю⁶. Восприятие как способность не может обманывать всегда, даже в большинстве случаев, иначе это будет именно не-способность и разговор о восприятии в принципе станет бессмысленным. Подверженность наших способностей ошибкам не дает нам никаких оснований утверждать, что мы не знаем, что именно и каким образом мы воспринимаем. В противном случае мы вынуждены были бы выбирать между скептицизмом, ставящим под сомнение все наше перцептивное знание, и догматизмом в духе Берджа, заявляющим, что у нас могут быть только достаточно хорошие основания, чтобы считать какое-либо убеждение знанием. Единственная возможность избежать такого выбора, считает Макдауэлл, это признать *обычную* возможность ошибки, т.е. тот факт, что наши способности не являются безошибочными, но опять же, как добавил бы Д. Дэвидсон, не постоянно и не во всем сразу – уж в этом-то мы не ошибаемся⁷.

⁵ См.: Röd S. Self-Consciousness. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2007. P. 157–158.

⁶ Ibid. P. 42–44.

⁷ Дэвидсон в свое время критиковал радикальную позицию Берджа, противопоставляя ему свой умеренный экстернализм. Выступая в защиту Селласра, Макдауэлл во многом следует дэвидсоновской линии рассуждения относительно причинной связи убеждений с их объектами, которая не оставляла бы места эпистемологическому скептицизму. См.: Davidson D. Epistemology Externalized // D. Davidson. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford : Clarendon Press, 2001. P. 193–204.